

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.85

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1\(10\)-22-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-22-67)



Вклад деятельности Камчатской Духовной миссии в синтез Дальневосточных культур

Михаил Анатольевич Арефьев ^{1a},
Алексей Владимирович Зыкин ^{2b}

¹ Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Российская Федерация

^a ant-daga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-7192>

^b zykinalex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

Аннотация. Настоящая работа представляет опыт изучения роли духовных миссий в культурной жизни Дальневосточного региона на примере Камчатской Духовной миссии, которая была создана Российской православной церковью (именуемая с 1943 года Русской православной церковью) в 1742 году с целью распространения православия и русской культуры среди коренного населения этого региона, а также ввиду того, что Камчатка получила роль одного из самых территориально и социокультурно удалённых регионов Российской Империи. Опыт первой Духовной миссии вскрыл и сделал явным ключевое затруднение на Камчатском полуострове – языковой барьер, что позже было решено открытием учебных заведений, выпускники которых могли полноценно работать на школьном и церковном поприще. Отмечается, что во многом стараниями иеромонаха Нестора возрождалась активная

деятельность Камчатской Духовной миссии. В 1908 году, овладев несколькими языками аборигенов, иеромонах Нестор сделал перевод на корякский язык ряда христианских литературных произведений, также создав русско-корякский словарь и разговорник. Указывается, что значимость и важность проектов иеромонаха Нестора по упрочнению российского присутствия в регионах Дальнего Востока для государства в целом по достоинству была признана и оценена П.А. Столыпиным. В 1911 году Нестор передал Синоду проект, в соответствии с которым планировалось создать на полуострове единую Духовную миссию. В качестве примера проводится анализ материальной и духовной культуры такой малой дальневосточной народности как негидальцы, показывающий, что эта этническая группа не утратила вплоть до современности такие элементы идентичности, как собственный язык, уникальное самосознание и отличительные черты этнокультурного характера.

Ключевые слова: духовная миссия, культура, Камчатская Духовная миссия, социальная действительность, христианство, культурная жизнь, православная вера, негидальцы

Для цитирования: Арефьев М.А., Зыкин А.В. Вклад деятельности Камчатской Духовной миссии в синтез Дальневосточных культур. Россия: общество, политика, история. 2024. №1(10). С. 22-67.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1\(10\)-22-67](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-1(10)-22-67)



Kamchatka Spiritual Mission Activity Contribution in Synthesis of Far-East Cultures

Mikhail A. Arefyev ^{1a},
Alexei V. Zykin ^{2b}

¹ Saint Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Russian Federation

² State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russian Federation

^a ant-daga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-7192>

^b zykinalex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>

Abstract. This work presents the role of spiritual missions in the cultural life of the Far Eastern region (Kamchatka Spiritual Mission), which was established by the Russian Orthodox Church in 1742 with the aim of spreading Orthodoxy and Russian culture among the indigenous people of this region. It should also be mentioned that Kamchatka has received the role of one of the most geographically and socioculturally remote regions of the Russian Empire. The experience of the first Ecclesiastical mission revealed and made clear the key difficulty on the Kamchatka Peninsula – the language barrier, which was later resolved by the opening of educational institutions whose graduates could fully work in the school and church fields. It is noted that in many ways, through the efforts of Hieromonk Nestor, the active work of the Kamchatka Spiritual Mission was revived. In 1908, having mastered several Aboriginal languages, Hieromonk Nestor translated a number of Christian literary works into the Koryak language, also creating a Russian-Koryak dictionary and phrasebook. It is indicated that the significance and importance of Hieromonk Nestor's projects to

strengthen the Russian presence in the regions of the Far East for the state as a whole was appreciated by P.A. Stolypin. In 1911, Nestor handed over to the Synod a project according to which it was planned to create a single Spiritual mission on the peninsula. As an example, the analysis of the material and spiritual culture of the Negidals (one of the indigenous people) is carried out, showing that this ethnic group has not lost such elements as its own language, unique self-awareness and distinctive features of an ethnocultural character until now.

Keywords: spiritual mission, culture, Kamchatka Spiritual mission, social reality, Christianity, cultural life, Orthodox faith, Negidals

For citation: Arefyev, M.A., Zykin, A.V. Kamchatka Spiritual Mission Activity Contribution in Synthesis of Far-East Cultures. Russia: Society, Politics, History. 2024. No. 1(10). pp. 22-67.

Введение

Настоящее исследование является не только логическим продолжением, но и важным вкладом в изучение культуротворческой деятельности духовных миссий Российской Империи (7, с. 50-63; 8, с. 134-145; 9). Целью работы является изучение роли православных духовных миссий в культурной жизни Дальневосточного региона, а также анализ актуального вопроса о том, как миссии способствовали распространению и сохранению христианской веры и традиционных русских ценностей в культуре многочисленных этносов Дальнего Востока (2). Этот регион с момента его освоения Россией находился и находится под вниманием правительства страны как в прошлом, так и в настоящий момент, что связано с особенностями его пограничного положения (12; 26, с. 223-229; 5, с. 80-94; 3, с. 130-132; 24, с. 73-76; 25, с. 326-359). Это утверждение в полном объеме относится и к Российской православной церкви, Камчатская Духовная миссия которой была основана в 1742 году (2). Миссия имела сложную и продолжительную историю. Вначале она была частью Иркутской епархии (последняя принадлежала к Восточносибирскому региону). Однако в 1761 году она перестала существовать. Затем в 1912 году произошло ее возрождение, однако на этот раз как части Владивостокской

епархии. Последняя относилась к Дальневосточному региону. В 1916 году миссия стала частью Петропавловской епархии.

Материалы и методы исследования

Историко-культурные материалы, которые активно используются в настоящем исследовании, дали возможность в полной мере применить культурно-сравнительный метод в качестве ведущего. Возможности регионалистики как методологического подхода реализовали себя в анализе культуры этносов Дальнего Востока на примере Камчатского края, Восточно-Сибирского региона. Эмпирический материал в основном связан с историей освоения русскими Камчатки на примере деятельности Камчатской Духовной миссии. Камчатка, в силу географического положения, получила роль одного из самых территориально и социокультурно удалённых объектов, ставших частью культуротворческой деятельности миссии Российской православной церкви.

Результаты исследования

Первопроходцами Камчатки стали русские казаки, стрельцы и промышленники, работавшие в промышленности. Последних сюда приводила надежда на быстрое обогащение. Штат артелей, занимавшихся промыслами, разрастался за счет тех местных жителей, кто специализировался на ловле рыбы и добычании пушнины, относился к коренным этносам и прошел ранее обряд крещения, то есть обращение в христианскую веру. Хозяинствующий в артели глава после получения непосредственного дозволения от местного епископа либо благочинного проводил обряд крещения над представителем одной из местных народностей (алеутом, коряком, ительменом, чукчей), а затем делился с ним собственным именем-фамилией, и это означало, что новообращенный христианин символически присоединяется к составу его семьи. Одновременно с семейными отношениями шло культурное преобразование. Человек, выполняющий миссионерскую работу, либо священник, служащий в местном приходе, поселялись на данных, еще не полностью освоенных землях, значительно позже, когда завершалось возведение острогов, а статус земли как присоединенной к Российской

Империи подкреплялся наличием сменных либо возникновением постоянных гарнизонов, состоящих из казаков и простых военнослужащих.

В 1705 г. архимандрит Мартиниан получил напутствие от митрополита Тобольского и Сибирского Филофея, а также разрешение вести миссионерскую и проповедническую деятельность на Камчатском полуострове, где он в общей сложности отработал 12 лет, обратив в христианство за данный срок около сотни человек из коренного населения. В 1717 году, при архимандрите Мартиниане, открывший Курилы и происходивший из казачества И.П. Козыревский обратился в монашество и взял себе новое имя – Игнатий. На территории, расположенной между Нижним острогом и рекой Ключевкой, вышеупомянутым казаком была создана пустынь в честь Успения Пресвятой Богородицы, в рамках которой, помимо богадельни, также действовали мастерские. Судьба его трагична, он погиб при невыясненных обстоятельствах.

Опыт первой Духовной миссии вскрыл и сделал явным ключевое затруднение, с которым столкнулись те, кто распространял православную ветвь христианства на Камчатском полуострове – а именно, труднопреодолимый языковой барьер. Разноязычие служило главным препятствием в распространении межкультурных контактов. Миссионерские проповедники были вынуждены быстро обучаться родным языкам местного аборигенного населения, чтобы иметь возможность свободно говорить с ним и проводить ясные для него христианские богослужебные обряды. Параллельно возникла новая необходимость – открытие школьных учебных заведений, предназначенных для обучения русскому языку местных детей и взрослых. Решить подобную проблему Священный Синод Российской православной церкви поручил создаваемой миссионерской миссии. Определением, датированным 22 декабря 1730 года, Сенат дал особое дозволение предоставлять всем новообращенным христианам льготные условия на 10 лет, касающиеся оплаты ясака. Синод принял решение об отправке на Камчатский полуостров священника, имевшего образование. В 1732 году во главе местного посольства встал учитель из Москвы, работавший в столичной Славяно-греко-латинской академии – игумен Варфоломей (в миру – Филёвский). Несмотря на тот факт, что его миссия так и не сумела добраться до Камчатки, две сотни букварей, бывших при миссионерских служителях, все же добрались до места назначения.

Существенный стимул и воздействие на приобщение к православной религии на полуострове Камчатка оказали и две экспедиции, проведенные с научно-географическими целями под руководством В. Беринга и А.И. Чирикова (с 1725 по 1730 год и с 1733 по 1741 год соответственно). После прослушивания докладов, сделанных капитаном-командором Берингом для членов Сената, на полуостров было решено направить еще одну дополнительную Духовную миссию. Находящиеся в экспедиции на корабельных судах иеромонахи активно занимались обращением в христианство местного населения. Именно благодаря их активности свыше 1 500 ительменов стали христианами. В корабельной гавани, получившей именование в честь двух апостолов – Петра и Павла, даже создали отдельную церковь. Она получила название в честь Рождества Пресвятой Богородицы, а службы там проводил диакон Филипп Волков. Сегодня вышеупомянутая гавань имеет городской статус и известна как Петропавловск-Камчатский.

По результатам одобренного Сенатом указа от 2 января 1742 года, по инициативе епископа Тобольского и всея Сибири Никодима (в миру – Сребницкого), на Камчатский полуостров было решено снарядить третью по счету миссию, чьим непосредственным руководителем 7 октября 1742 года был назначен иеромонах Иоасаф (в миру – Хотунцевский). Позднее он стал архимандритом. В число участников миссии вошли три московских ставленника. В их числе были: иеродиакон Александр – переселенец от монастыря Донской иконы Божией Матери; иеромонах Пахомий, прибывший от монастыря в честь Богоявления; иеромонах Иоасаф (в миру – Свяжцев), прибывший от Заиконоспасского монастыря. Кроме того, среди участников были и члены студенческого сообщества Славяно-греко-латинской академии, прошедшие специальный отбор и допущенные к преподаванию в школьных заведениях, основанных для обучения новообращенных в христианство. В конце 1742 года от Священного Синода было получено одобрение относительно инструкции, предназначенной для Камчатской Духовной миссии. В рамках этого документа, прошедшего утверждение, было специально обозначено, что миссионерам запрещается насильно обращать иноверцев в христианство, а вместо этого полагается убеждать их, подробно разъясняя им, в чем состоят заслуги Иисуса Христа, искупившего своей

смертью людские грехи¹. Постулаты, идеи и в целом информация, изложенная в вышеупомянутом документе, показывали, что правительственные круги хоть и старались продемонстрировать собственную толерантность, терпимость и принятие чужих верований, одновременно опасались, что «инородческие элементы» начнут бунтовать. Немаловажным оказался и тот факт, что кочевые язычники уплачивали положенный налог добытой пушниной, тогда как новообращенные аборигены, прошедшие крещение, могли перейти на оседлый образ жизни, строить деревни и превратиться из охотников в земледельцев. Именно поэтому правительство не желало и не стремилось повально обращать в христианство коренные камчатские народности, чтобы не принести ущерб экономике. В список обязательного снабжения подготовленной миссии входила не только необходимая церковная утварь, но и одежда для священников, а также христианская литература и свыше 210 000 нательных крестиков, предназначенных для новообращенных в православие. Благодаря настойчивой деятельности архимандрита Иоасафа, всем людям, участвовавшим в работе миссии, существенно увеличили жалование (в диапазоне от 100 до 500 руб. ежегодно), при этом причты должны были получать от 40 до 80 рублей. Миссионерским проповедникам в 1744 году была назначена выдача «хлебной дачи», под которой подразумевались крупы и мука, также правительство Камчатского полуострова решило возвести для них жилые постройки и школьные заведения, в которых можно было бы учить детей аборигенов. Роль переводчика выполнял говорящий на наречии аборигенов военный служащий местного гарнизона.

9 августа 1745 года миссия прибыла на Камчатский полуостров, а уже 13 августа посетила Большерецкий острог. Впервые открытие школьного учебного заведения состоялось 23 августа 1745 года. По прошествии 5 суток преподавательский состав покинул место пребывания, чтобы добраться до других камчатских поселений. Затем к работе приступили школьные учебные заведения. Месторасположение последних было связано с Большерецким, Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами. Активная деятельность по основанию новых школьных учебных заведений велась в период 1746–1748 гг. В общей сложности в регионе было 15 школ, в том числе и на Курильских

1 Инструкция архимандриту Хотунцевскому; Выезд архимандрита Хотунцевского из Москвы // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1868. - №50. – с. 584.

островах. Численность школьников составляла на тот момент 239 человек, причем большая часть из них приходилась на детей аборигенов. Шло активное межкультурное взаимодействие.

Учебные заведения на Камчатке выпускали молодых людей, обученных грамоте и способных полноценно работать на школьном и церковном поприще, в приказах, а также в качестве помощников – в промышленности и при тойонах (то есть при местной знати). Как активно просили архимандрит Иоасаф и иеромонах Пахомий, малолетних учеников постановлением Сената, вышедшим в начале 1764 года, было решено снабжать продуктами питания (хлебом), а также предметами одежды и обувью, кроме того, им полагалась выдача небольшого денежного жалования. При этом выпускников училищ (школьных учебных заведений) ждало освобождение от уплаты налога, а если они после этого выбирали военную либо церковную службу, то им давалось преимущество перед потомками казачества и промышленных людей, также выбравших аналогичную стезю (19, с. 19). Отсюда следует, что среди коренных народностей было запущено образование в некотором роде целого социального слоя или сословия образованных людей. Непосредственный руководитель миссии ходатайствовал о строительстве церквей и самостоятельно разработал соответствующие чертежи. Его просьба была удовлетворена. В соответствии с ней были выстроены церковные сооружения на р. Тигиле, р. Иче и р. Ключевке. В дополнение к этому молитвенный дом, существовавший в Верхнекамчатском остроге, было решено реорганизовать и превратить в церковь. Стараниями миссионерских проповедников в этот период крестилось около 4 тысяч жителей Камчатки. Архимандрит Иоасаф совершил ряд путешествий по полуострову Камчатка. В начале 1746 года в северной части Камчатского полуострова начали бунтовать сначала коряки совместно с юкагирами и алюторцами, а затем численность бунтовщиков пополнилась за счет обратившихся в христианство ительменов. Тем не менее, следует учитывать, что местные народности начали бунтовать из-за злоупотреблений в быту со стороны казачества и сборщиков налогов, другими словами, из-за проблем экономического свойства и столкновений на социально-бытовой почве, а деятельность миссионеров по массовому обращению в христианство здесь большой роли не играла. Пока среди коренного населения шел беспорядочный хаотический бунт, было убито четыре десятка военнослужащих. Также

жертвами стала дюжина сборщиков налогов. К сожалению, в числе погибших от рук бунтовщиков оказался и иеромонах Флавиан. На него возлагалась ответственность по крещению чукчей. Также жертвой бунта стал студент Кочуров. Также были убиты дьячок Ф. Смирнов и пономарь В. Решетков.

На исходе весны 1750 года архимандрит Иоасаф выехал с полуострова. Причиной, побудившей его к отъезду, стало рукоположение в сан епископа Иркутского. Также ему было поручено заместить епископа Иннокентия (в миру – Неруновича), чья кончина наступила еще в 1747 году. Поэтому во главе миссии встал иеромонах Пахомий, одновременно занявший пост руководителя церквями и причтами Камчатки, заменив предыдущее руководство – священника Ермолая Иванова, скончавшегося весной 1749 года. Уже весной 1751 года архимандрит Иоасаф послал уведомление в Синод, касающееся того, что ему удалось обратить в христианство подавляющее большинство проживавших на Камчатке аборигенов, кроме кочевников, пребывавших на отдаленной труднодоступной территории. Общая численность прошедших крещение инородцев достигла 7776 мужчин, женщин и детей (4, с. 45–46). В самом конце уходящего 1761 года на Камчатский полуостров добрался указ Синода, вышедший еще летом 1758 года и гласящий, что третья Духовная миссия должна быть упразднена. Поэтому весной следующего 1762 года иеромонах Пахомий вместе со своей миссией уехал с Камчатки.

В список ключевых отличительных черт рассматриваемого временного отрезка в деятельности Камчатской Духовной миссии можно включить стремление миссионерских проповедников плотно сотрудничать и вести совместную работу с приходскими священнослужителями. Проповедники проводили службы в сильно разбросанных с географической точки зрения приходах. При этом священники организовывали жизнь новообращенных христиан, посещавших церкви. Кроме того, на плечи священнослужителей возлагалась обязанность по крещению взрослых представителей ительменов и коряков. Также они обращали в христианство бывших кочевников-оленьеводов, обосновавшихся в этом районе и осевших на земле. Деятельность по христианизации распространялась и на полuosедлых аборигенов, пересекавших Камчатку, чтобы подыскать благоприятные места, подходящие для рыболовства. Хотя приходские клирики находились в полном подчинении у духовенства региона – Иркутского епископа,

в то время как сама миссия – в подчинении у Синода, руководство расположенными на Камчатке церквями взял на себя архимандрит Иоасаф (в миру – Хотунцевский). В его руках находились немалые полномочия, также он считался авторитетной фигурой не только на уровне причта, но и у обычных жителей – коренного и пришлого русского населения. Чтили его также казахи атаманы, военнослужащие в офицерском статусе, приказные, промышленники и др. Внешне подобный способ устройства православной жизни был сильно похож на викирианство. Данный архимандрит в письмах, адресованных Синоду, просил тот отдельно учредить на полуострове специальную епархию. Как немаловажный можно охарактеризовать и вклад, который сделали священники местных приходов в дело миссионерства и продвижения православных церквей.

С ноября 1764 по апрель 1765 года глава Ключевской церкви священник Максим Лазарев обратил в христианство в водах реки Карага 69 коряков (олюторов). После посещения острова Карагинский он обратил в христианство 50 ительменов и одного коряка, а когда вернулся обратно – сделал христианами еще 6 алеутов, которых на полуостров привезли промышленные люди. В 1777 году священник Иоанн Миронов обратил в христианство аборигенов острова Карагинский. В 1779 году тигильский священник Петр Попов посетил две речки – Подкагерная и Пустая (находившиеся на расстоянии в 400 и 500 верст от Тигиля), где обратил в православную религию кочевников-коряков – всего 11 человек. В 1742 году священник Ермолай Иванов, плававший на кораблях М.П. Шпанберга (одного из участников экспедиции В. Беринга), лично побывал на Курильских островах. В период 1733-1741 годов он обратил в христианство на полуострове 878 человек. К 1744 году, благодаря неустанным стараниям священнослужителей, служивших в местных приходах и прибывших в составе экспедиции Беринга, на камчатке общее количество новых православных насчитывало свыше 6 тысяч человек, то есть 2/3 камчадалского населения (4, с. 28-29, с. 54, с. 58).

В 1822 году свершилось основание Камчатского Духовного правления (также известного как благочиние). В 30-е годы XIX века Сенат совместно с Синодом решили усилить работу местного благочиния, направленную на обращение в христианство не только коряков и чукчей, но и иных коренных северных народностей. Сделано это было в стремлении удовлетворить

прошение, поданное главным руководителем полуострова капитаном II ранга А.В. Голенищевым, а также Иркутским епископом Михаилом (в миру – Бурдуковым). Чтобы достичь поставленной цели, правительство из государственной казны профинансировало строительство и освящение храмов, расположенных в двух острожках под названием Дранка (на восточном берегу Камчатки) и Лесная (на западном берегу). Вышеуказанные опорные пункты от Тигиля с Ключами отделяли несколько сотен километров. После завершения строительных работ храм в Дранке 16 февраля 1836 года прошел процедуру освящения в честь святителя Иннокентия Иркутского. При этом храм, расположенный в Лесной, 12 февраля 1837 года тоже подвергся освящению во имя святого Николая Чудотворца. Там, где проживали коряки, перешедшие на режим оседлости, а также на маршрутах, где традиционно кочевали оленеводы, было решено создать специальные опорные пункты, призванные облегчить работу миссионеров. В 1839 году священнослужители, служившие в храмах, расположенных в Дранке и Лесной, обратили в православную религию первых местных чукчей-кочевников. Звание первого православного, крещенного среди чукчей, получил тойон по имени Чинник. Несмотря на то, что случившееся было неожиданностью, этого долго ждали, а поспособствовала христианизации реализация правительством особой политики, направленной на аборигенов и благоприятствующей им. Кроме того, помогло христианизации и существование камчадалов, которые после того, как прошли крещение, в значительной степени переняли и русскую культуру. Эту народность ставили в пример миссионерские проповедники тем, кому проповедовали. Камчадалы перешли на оседлый образ жизни в деревянных бревенчатых домах, начали огородничать и разводить домашний скот. Только благодаря вышеуказанной интенсивной деятельности они практически полностью нейтрализовали угрозу голода и гарантированно обрели круглогодичный бесперебойный доступ к продовольствию даже в ситуации полной невозможности наловить достаточно рыбы.

Временем появления новой епархии, получившей название «Камчатской, Курильской и Алеутских островов», стал 1840 год. Именно тут впервые епископальная должность досталась протоиерею Иоанну Попову-Вениаминову. После назначения он сменил имя на Иннокентия и обрел сан архимандрита. В январе 1841 года он побывал с визитом в двух местах – Троице-Сергиевой лавре и Московской Духовной Академии, где уговорил

некоторых учащихся из студенческого сообщества составить ему компанию в путешествии на Камчатский полуостров. Святитель Иннокентий, занимаясь обучением юношества среди миссионерских проповедников, объяснял им, что хотя и важно молиться, исполнять требы и проповедовать православную христианскую религию, обратить коряков и чукчей в христианство помогут и другие вещи. По его мнению, преодолеть продолжительное сопротивление жителей приполярной местности христианизации было способно благочестие миссионера-священнослужителя, его способность самоотверженно служить людям на социальном поприще. Также немаловажной, с его точки зрения, была готовность к тяжелому упорному труду, безупречная нравственность и духовность, принятие и искренняя любовь к ближнему, то есть вопросы духовно-нравственного характера.

Примером такого отношения к иноверцам стало служение священника Стефана Попова-Вениаминова, родного брата святителя Иннокентия, который впервые посетил полуостров в сопровождении маленького сына в сентябре 1834 года и спустя короткий срок получил должность настоятеля в еще не построенной Николаевской церкви, расположенной в селе под названием Лесная. На полуострове служивший там отец Стефан сосредоточился на обучении коряков тому, как разводить скот, строить жилище, а также разъяснении того, как устроены и работают печи. Иными словами, он вплотную занимался социальными проблемами. Привлекая к работам помощников среди появившихся прихожан, он построил селение и церквушку, как было принято на Руси (1, с. 165–166). В 1843 году, по благословению епископа Иннокентия, данное храмовое строение было решено переместить на реку Палану. Здесь ему дали новое имя – Лесновско-Палановская Николаевская церковь. В том же году Иннокентий командировал в Анадырь на трехлетний срок священника Романа Верещагина. Последний за пятилетний период (1844–1849 годы) сделал православными 225 чукчей. Роль его помощника в этом деле выполнял пономарь И. Трифоновый. В 1844 году была создана Анадырская Духовная миссия.

Поскольку святителю Иннокентию требовалось лично участвовать в решении проблем, связанных с миссиями и церковными приходами, ему приходилось путешествовать далеко, на большие расстояния, неся при этом серьезные риски, пока он посещал отдаленные места на Камчатке и в восточносибирском регионе. Подобные поездки были долгими

и небезопасными. В период с 1842 по 1843 год он посетил каждый уголок епархии. В частности, в начале мая 1842 года он покинул Новоархангельск (сегодня он принадлежит Аляске, являющейся территорией США), и затем побывал на нескольких островах, а уже к концу августа сумел добраться до Петропавловска (современное название – Петропавловск-Камчатский), где занялся несением службы в соборе святых апостолов Петра и Павла. В дальнейшем он пересек всю Чукотку и прибыл в Охотск, воспользовавшись собачьими и оленьими упряжками. Там он посвятил себя решению проблем епархии и организовывал духовные миссии, направленные на христианизацию аборигенов. После преодоления огромного расстояния – свыше 5000 верст – в начале сентября 1843 года он возвратился снова на остров Баранова. В период с 1845 по 1846 год святитель Иннокентий повторно посетил с поездкой всю Камчатскую епархию. В начале июня 1845 года он добрался до Петропавловска, а с наступлением зимы успел самолично поучаствовать в открытии в Новоархангельске духовной семинарии. Уже в начале июля 1845 года он в собственном письме, адресованном обер-прокурору Синода Н.А. Протасову, говорил, что считает основной целью просветительской деятельности обучение малолетних учеников тому, как стать и оставаться благочестивыми и нравственными. По мнению святителя Иннокентия, оценивать, насколько просвещенным является население, нельзя по общему количеству грамотных людей среди него. Он считал подобный подход ошибкой, поскольку грамотный человек вполне может быть безнравственным, а большое количество таких людей способно привести к различным социальным потрясениям, что потенциально может стать угрозой для всей страны (10, с. 202). Также он был уверен, что детей следует обучать детей в школах, действующих при церквях, а роль преподавательского состава должны исполнять священнослужители.

Период с конца весны 1846 года по конец лета 1847 года святитель Иннокентий посвятил путешествию, который он предпринял по Охотско-Камчатскому краю. В процессе он останавливался в Аяне, где посвятил время наблюдению за тем, как велись строительные работы и возводились храмы. Он контролировал возведение собора во имя архангела Михаила, который был окончательно построен к 1848 году в городе Новоархангельске. В период с 1841 по 1850 год было закончено возведение храмовых зданий в Кенае и Нушагаке, а также Куикпаке. В период с конца весны 1849 года

по середину весны 1850 года епископ Иннокентий предпринял четвертую поездку, чтобы обозреть подвластную ему епархию. Итоги и процесс поездки он изложил в отчетном письме, адресованном Синоду и написанном в начале мая 1850 года, уже после ее завершения. По итогам совершенной поездки он вынес несколько предложений, касающихся открытия Духовных миссий, предназначенных для тлинкитов и чукчей, отправки новых миссионерских проповедников и выделения из казны увеличенной денежной господдержки, а также оказания поддержки в создании монастыря и монастырского христианского братства на Камчатском полуострове. Он отдельно подчеркивал, что на полуострове слишком мало не только церквей, но и действующих при них больниц с богадельнями. Несмотря на все трудности, он писал, что количество обращенных в православие в епархии неуклонно возрастало. Так, в 1841 года было зафиксировано 16 268 христиан. Однако уже к 1849 году этот показатель значительно возрос, составив 23 130 христиан.

С конца лета 1850 года по середину весны 1851 года Иннокентий занимался созданием Гижигинской миссии. После завершения работ ее возглавил священник Лев Попов. В письме, датированном 21 мая 1851 года и адресованном митрополиту Московскому и Коломенскому святителю Филарету (в миру – Дроздову), Иннокентий в подробностях обрисовал сложившуюся ситуацию. В частности, он написал, что среди инородческого населения, принадлежащего к разным племенам и живущего на территории, расположенной в Гижигинском округе, процесс перехода в христианство в некотором роде застопорился. Максимального успеха удалось достичь исключительно с тунгусами, поскольку их народность полностью перешла в новую веру. Также к православию приобщились несколько коряков. Впрочем, начиная с 1844 года процесс христианизации набрал темп за счет чукчей, населявших территорию на побережьях р. Анадыри. Однако серьезные трудности сохранялись в отношении многих иных инородческих племен. В частности, к ним относились ведущие бродяжническую жизнь коряки. Также не удавалось приобщить к истинной вере туземцев, практикующих оседлость на побережьях Берингова моря. К ним можно было отнести такие народности как пареньцы и каменцы. По этой причине Иннокентий дал поручение недавно назначенному священнослужителю Льву Попову начать активную миссионерскую и проповедническую деятельность. Последнему предстояло

вести работу среди коряков и других аборигенов, живущих в Гижигинском округе, для чего ему пришлось много путешествовать (10, с. 295-297). В 1862 году местный купец П.П. Брагин пожертвовал значительную сумму на строительство в поселке Маркове новой церкви, получившей название в честь святого Николая Чудотворца. В строительстве активно участвовали жившие там люди, а после завершения строительных работ при церкви начала работать Анадырская миссия. В дальнейшем Гижигинская походная церковь получила новое наименование – Корякская миссия (29, с. 6). Тем не менее, когда в 1868 году святитель Иннокентий был назначен в Москву, активность миссионеров-проповедников на полуострове резко снизилась.

В 1898 году произошло разделение Камчатской, Курильской и Благовещенской епархии на две отдельные части. В состав заново образованной Владивостокской епархии вошли две Духовные миссии. К последним относились Гижигинская походная (Корякская) и Анадырская (село Марково) миссии (21, с. 6-7). Во многом именно стараниями иеромонаха Нестора (в миру – Анисимова) возрождалась активная деятельность Камчатской Духовной миссии. Последний прибыл на Камчатку в 1907 году. Он сделал это с дозволения и напутствия архимандрита Андрея (в миру – Ухтомского), а также Иоанна Кронштадтского. Архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий (в миру – Никольский) вознамерился послать молодого подчиненного в Гижигу. Там ему предстояло занять пост настоятеля Спасской церкви и миссионера 11-го (Гижигинского) округа.

У отца Нестора, разумеется, был предшественник. Им был священник-миссионер Петр Лонгинов. Последний, по большей части, посвящал свое рабочее время оказанию помощи в совершении богослужений другим священнослужителям. Речь шла о тех служителях, которые в течение длительного периода не имели возможности побывать в этнических селениях коряков, закрепленных за вышеуказанным округом. Проповедники специализировались на работе именно с тунгусами и коряками. К концу XIX – началу XX века суммарное количество коряков достигало 7 530 человек (11, с. 40). Несмотря на это, многие из и так небольшого количества аборигенов, давно обратившихся в истинную веру, уже успели позабыть свое православное имя, данное при крещении. С другой стороны, подавляющее большинство коренных жителей вели кочевнический образ жизни. Также они оставались практикующими язычниками.

Чукчи, в большинстве своем, также не были обращены в христианство. Поэтому на рассматриваемый период христиан среди них было ничтожное меньшинство. Аборигены часто сталкивались с голодом. Также им грозило вымирание от эпидемий и серьезное сокращение численности из-за экстремальных условий жизни. Нестор не только проповедовал и просвещал коренных жителей, но и параллельно старался лечить их по мере сил. Миссионеры таким образом решали не только вопросы просветительского характера, но и охраны здоровья местного населения. Отдельным вопросом стояла проблема языкового характера.

В 1908 году, овладев несколькими языками аборигенов, иеромонах Нестор сделал перевод на корякский язык следующих христианских литературных произведений: Божественная литургия, ряд молитв и проповедей, некоторые главы из Евангелия. Именно ему обязаны своим появлением два полезнейших труда: русско-корякский словарь и разговорник. Но этим Нестор не ограничился. Вскоре он переложил молитву «Отче наш», заповеди Моисея и Христовы заповеди блаженства на язык тунгусов (эвенков). Восстановлению прежнего статуса и возможностей Камчатской Духовной миссии во многом способствовало появление местного православного братства, которое было решено основать с подачи отца Нестора, чтобы привлечь внимание тогдашней российской широкой общественности и рассказать ей, насколько тяжело живется аборигенам Камчатки, а также инициировать благотворительный сбор денег, чтобы затем направить их на оказание всесторонней помощи нуждающимся. Иеромонах Нестор лично убедился, к какой катастрофе привело наводнение, случившееся в Гижигинском уезде в августе 1907 года, из-за которого местные жители массово терпели лишения и умирали от голода. Это подвигло его активно работать с правительственными и общественными кругами, рассказывать им о тех трудностях, с которыми сталкиваются жители Камчатского полуострова. Для этого он написал несколько посланий, адресовав их Владивостокской епархии, Казани, а также собственному наставнику епископу Уфимскому Андрею (в миру – Ухтомскому) и святому праведнику Иоанну Кронштадтскому. Иеромонах Нестор убедительно писал в письмах, что объединить возможности и ресурсы миссионеров-проповедников позволит учреждение на Камчатке специальной независимой Духовной миссии, никак не связанной с Владивостокским подразделением.

Аргументировал он это тем, что из-за размещения приходов на значительном удалении друг от друга централизованное управление ими из Владивостока или Петропавловска становилось либо слишком сложным, либо и вовсе невозможным. Архиепископ Владивостокский Евсевий (в миру – Никольский) вместе с Иоанном Кронштадтским решили всесторонне поддержать молодого миссионерского проповедника в задуманном им деле.

В 1909 году отца Нестора поразила серьезная болезнь – цинга. Он сильно страдал, а потому вынужденно ушел в отпуск. За время, проведенное на отдыхе и лечении, он успел подготовиться к учреждению и организации благотворительного братства. Последнее было названо в честь Всемилоственного Спаса. Чтобы реализовать собственный проект, он предпринял поездку в Санкт-Петербург. Архиепископ Евсевий, желая оказать ему всемерную поддержку, послал Синоду телеграмму, датированную январем 1910 года. В ее тексте он попросил удовлетворить просьбу Нестора, касающуюся нужд возрождаемой Камчатской Духовной миссии. Пока иеромонах Нестор пребывал в Петербурге, он успел предоставить Синоду написанный им ранее доклад, касающийся повседневных трудностей, с которыми сталкивались местные жители и миссионеры Камчатского полуострова. По его мнению, решить задачу можно было, создав миссионерские станы и подвергнув их объединению в единую миссию. В то время туземные стойбища распределено занимали территорию около 650 тысяч квадратных верст. Поскольку у миссионерских проповедников отсутствовали необходимые финансы, они не могли успеть побывать на всех стоянках аборигенов. Иеромонах Нестор подал прошение на адрес Синода, касающееся оказания помощи в формировании пяти станов миссионеров-проповедников в северной части Камчатского полуострова, где на тот момент действовало всего два малочисленных стана – Корякская походная миссия и Анадырская миссия.

В соответствии с разработанным проектом, стан планировалось оснастить маленьким храмом с предусмотренным в нем отоплением, а также школой, где священнослужитель мог бы обучать местное население грамоте, жилым помещением для него и отдельной аптекой. Таким образом, по плану в создаваемых центрах можно было бы одновременно проповедовать коренному населению (просвещать его духовно), обучать его и оказывать по мере необходимости медпомощь. Иеромонах Нестор отобрал ряд локаций,

наиболее подходящих, по его мнению, для создания станов, поскольку именно там располагались кочевники и туземные племена, практикующие оседлость. В этот перечень вошли Наяхан, Владимировка, Камешек, а также бухта Корфа. При этом в Пенжине и Маркове действовали ранее созданные станы. Сперва предложение отца Нестора сводилось к тому, что из-за временного полного отсутствия священнослужителя в станах следует расселить преподавателей-псаломщиков, обученных говорению на наречиях туземцев и адаптированных к трудностям проживания на Севере Камчатского полуострова. Несмотря на это предложение, Синод посчитал невозможным полное его удовлетворение и постановил учредить только два новых стана, предназначенных для миссионеров-проповедников.

Несмотря на все вышесказанное, значимость и важность проектов иеромонаха Нестора по упрочнению российского присутствия в регионах Дальнего Востока для государства в целом по достоинству была признана П.А. Столыпиным, занимавшим в то время пост в имперском Совете министров. 5 февраля 1910 года в письменном послании, адресованном обер-прокурору Синода С.М. Лукьянову, иеромонах заметил, что для того, чтобы естественным образом приобщить данную территорию, обладающую огромной важностью для государства и его экономики, к Российской Империи, потребуется противодействовать проникновению Японии и оказываемому ее культурой воздействию. По мнению иеромонаха, для достижения данной цели государству и правительству необходимо всерьез заняться просвещением и христианизацией местного населения. Ключевыми этапами в этом процессе, по замыслу Столыпина, должны были стать организация кафедры, предназначенной для викарного епископа, командированного на Камчатский полуостров, и повышение количества станов для миссионеров-проповедников. Также планировалось открыть в Петропавловске школьное заведение церковно-учительского типа. Помимо этого, планировалось всесторонне организовать переводческую деятельность. Последняя, по замыслу, должна была быть направлена на переложение религиозных, церковных и просто любых полезных книг на туземные наречия².

Решением Святейшего Синода, датируемым 8-24 апреля 1910 года, прошло утверждение устава Камчатского православного братства

2 РГИА. Ф. 797. Оп. 80. Отд. 2. Стол 3. Д. 23. Л. 3-4 (Российский государственный исторический архив. Фонд 797. Канцелярия обер-прокурора Синода)

(официально создан 14 сентября 1910), а впоследствии – его специальные нагрудные знаки. Миссионерские проповедники наделялись возможностью каждый год на совершенно безвозмездной основе осуществлять перевозку целого вагона предметов и вещей, которые были пожертвованы Камчатской Духовной миссии и братству. Сразу в нескольких крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге, Киеве и Перми решено было сформировать подразделения вышеуказанного братства. При этом духовные лица и обычные граждане-миряне, проживавшие в других населенных пунктах, подавали прошение о высылке им подписных листов в стремлении принести пользу делу духовного возрождения отдаленной Восточной территории Российской Империи.

Из Перми на Камчатку слали грузы с определенными медицинскими препаратами и лекарствами, поскольку в них местные камчатские жители испытывали огромную нужду. Иеромонах Нестор побудил стать подвижниками трех сестер милосердия, служивших в Перми в местной Мариинской общине Красного Креста. В их число вошла руководительница данной организации А.М. Урусова, а также А.А. Кашина и М.Г. Волкова-Жукова. Все они стали добровольцами и решили предпринять поездку в Камчатскую область. Затем у них появились последовательницы-медсестры. Еще десяток сестер милосердия в дальнейшем приехали из Санкт-Петербурга, чтобы приступить к врачебной работе в различных областных населенных пунктах. В середине весны 1911 года до полуострова впервые доехали пожертвованные предметы одежды. Их было так много, что в общей сложности их суммарный вес достигал 30 пудов. В этот перечень вошли даже 80 платьев для детей. Последние были подарены ученицами Алексеевской женской гимназии. Каждый год «Добровольный флот» на абсолютно безвозмездной основе завозил на полуостров 100 пудов груза. В его номенклатуру входило всё то, что присылали благотворители. Люди, состоящие в братстве, приносили в дар детям коренных жителей многие полезные вещи. Сюда можно отнести тетрадки, предназначенные для учебы в школе, и литературные произведения, посвященные религии и нравственности. Также присутствовали предметы чисто религиозного характера: иконы, нательные крестики и разнообразная храмовая утварь.

На деньги, которые братству удалось накопить в результате благотворительного сбора, в селе Тиличики возвели приют. Он

предназначался для тех детей, которые подрастали в семьях нищенствующих коряков-кочевников. Также в нём предполагалось заботиться о немощных стариках и инвалидах, утративших способность к трудовой деятельности. Кроме того, на эти деньги удалось возвести сразу несколько строений. В их число, помимо прочего, вошли: церковноприходская школа; храм, расположенный в селе Кичиги; причтовый дом, находившийся в селе Ново-Мариинск. Последний населенный пункт со временем преобразовался в город. Его сегодняшнее название – Анадырь, он выполняет функции административного центра на Чукотке. Также в счет собранных средств была предоставлена необходимая поддержка семьям военнослужащих и людей, получивших ранение на войне. Кроме того, на скопленные деньги приобретались аптечки для нужд миссии. Напомним, что это было трудное время для всей Российской Империи – время поражения России в русско-японской войне и первой русской революции 1905–1906 годов.

Иеромонах Нестор 3 августа 1911 года передал Синоду для изучения, обсуждения и возможного утверждения проект, в соответствии с которым планировалось создать на полуострове единую Духовную миссию. Ранее вышеупомянутый проект уже получил одобрение архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия (в миру – Никольского). В соответствии с предложением иеромонаха, планировалась организация 4-х станов для миссионеров-проповедников, причем учредить их нужно было в тех населенных пунктах, где компактно проживали и кочевали туземцы-коряки. Этими населенными пунктами, помимо Гижиги, должны были стать Марков, Дранка и Палана. Прошение было удовлетворено, а проект одобрен. Поэтому в соответствии с приказом, утвержденным осенью 1911 года, было решено создать Камчатскую Духовную миссию, состоящую из 4-х станов. Согласно постановлению Синода, после организации миссии наступал этап распространения ее функционирования на всю территорию сформированной Камчатской области. Согласно официальным документам, она должна была находиться под управлением архиепископа Владивостокского. Кроме того, Синод принял решение об увеличении финансирования миссии. В частности, годовое содержание миссионерских проповедников должно было возрасти до 1200 рублей. Также планировалось выделять им увеличенную сумму на командировочные расходы, которая достигала 600 рублей ежегодно.

Позднее Нестор был принят на аудиенции императором Николаем II. По результатам встречи последний решил поставить иеромонаха на должность покровителя братства, названного в честь своего сына и наследника – цесаревича Алексия Николаевича. Это должно было случиться по достижении малолетним наследником престола семилетнего возраста.

Император положительно оценил проект возведения церкви в глуши полуострова. Ее планировалось назвать в честь святителя Иоасафа Белгородского. Сооружение должно было размещаться в поселке Тиличики. Данный населенный пункт расположен недалеко от Гижики. В то время на указанной территории существовало всего 8 корякских юрт. После возвращения на полуостров, отец Нестор начал работу по организации проповеднического Санкт-Петербургского стана. Располагаться он должен был здесь же – в селе Тиличики, где к тому моменту уже завершились строительные работы и начала действовать возведенная церковь, названная в честь Иоасафа Белгородского. Также к тому моменту здесь уже работало организованное ранее учебное заведение.

Собранные Камчатским братством деньги имели многоцелевое назначение. В первую очередь направляли на возведение в поселковых населенных пунктах церквей, школ и приютов, предназначенных для размещения детей кочевников-оленьеводов. Также благодаря этим средствам стало возможным создание походных аптек. Помимо этого, иеромонах организовал колонию-поселение, предназначенную для прокаженных (людей, заболевших проказой), а также обустроил на ее территории церковь во имя святого Иова Многострадального. Сделал он это на морском побережье, а конкретно – в Раковой бухте. Последняя располагалась в непосредственной близости от города Петропавловска (в то время расстояние между ними составляло всего лишь 9 верст).

В апреле 1912 года иеромонах Нестор доставил на Камчатский полуостров миро и части мощей, предназначенные для новообразованных храмов. Уже к концу месяца архиепископ Евсевий подал ходатайство на имя Синода, в котором он пожелал утвердить руководителем миссии иеромонаха Нестора, поскольку тот, по его мнению, прекрасно разбирался в тонкостях жизни на Камчатском полуострове, а также знал все трудности и проблемы, с которыми сталкиваются миссионеры, и зарекомендовал

себя как усердного и упорного человека³. Уже в конце мая 1912 года Синод полностью одобрил предложенную кандидатуру, что и стало первым шагом к полному восстановлению изначального потенциала и возможностей Камчатской Духовной миссии.

В целях окормления иеромонаха Нестора ему отдавалась достаточно большая часть области. Исключением стал лишь Охотский уезд, поскольку его планировалось добавить в состав Якутской викарной епархии. Так постановил Синод. В результате Нестор на землях, принадлежащих благочиниям и с территориальной точки зрения полностью идентичных уездам, получил право самостоятельной реализации любых собственных проектов, без выпрашивания каждый раз дозволения со стороны непосредственного уездного руководства и благочинных; по новым правилам ему достаточно было лишь оповестить их о запланированных событиях. При этом представителям местного правительства и церковного руководства на землях, закрепленных за Духовной миссией, вменялось в обязанность оказание любой необходимой помощи миссионерскому проповеднику. Незамедлительно после утверждения собственной кандидатуры на пост непосредственного руководителя миссии иеромонах Нестор автоматически утратил должность настоятеля при гижигинской Спасской церкви. Также он больше не мог руководить церковным приходом и утрачивал пост благочинного в 11-м благочинническом округе. По вышеуказанным причинам иеромонах решил перенести центральный орган миссии в бухту Корфа, где жили туземцы-коряки в поселке Тиличики. Посредством этого он планировал находиться в предельной близости от олюторских коряков, которые кочевали от реки Анадырь на восточном берегу Камчатки до реки Тигиль – на западе.

В сентябре 1912 года в селе Тиличики освятили церковь во имя святителя Иосафа Белгородского и открывшуюся школу, при которой действовал и приют. Кроме того, в это период обратили в христианство местное население, по большей части, представленное коряками, перешедшими на оседлость или оставшимися кочевниками. В их числе помимо олюторцев были также пенжинцы, паланцы, карагинцы, апукинцы и пареньцы. Также в данном населенном пункте на благотворительные деньги, полученные в рамках сбора с жертвователей, создали первый Санкт-Петербургский

3 РГИА. Ф. 796. Оп. 192. Отд. 6. Стол 3. Д. 123. Л. 16 (Российский государственный исторический архив. Фонд 797. Канцелярия Синода)

стан на Камчатском полуострове. На торжественном процессе освящения иеромонах Нестор крестил около тысячи человек. Люди, принимавшие участие в торжественном событии, коллективно попросили губернатора Камчатской области о переименовании поселка Тилички в Иоасафовское. Их прошение одобрили. Санкт-Петербургское подразделение Камчатского братства оказывало активную помощь в возведении и обустройстве храма, расположенного в селе Пенжино, при этом в селе Начики новое храмовое здание получили путем перестройки из имевшейся ранее и действовавшей часовни. В это место отделение отправило полученные ранее в качестве пожертвования от графини С.С. Игнатьевой иконостас, религиозную литературу, церковную утварь и многое другое.

В 1913 году отделение Камчатского братства передало в распоряжение отца Нестора 1600 рублей. Они были предназначены для создания и внутреннего обустройства приюта-пансионата, в котором планировалось разместить детей коряков. Кроме того, указанной суммы должно было хватить для организации богадельни и медучреждения в Санкт-Петербургском стане, располагавшемся в селе Иоасафовское. Нестор попросил архиепископа Евсевия подать ходатайство на адрес Синода. Текст послания касался создания нескольких миссионерских станов на территориях, географически находящихся на максимальном отдалении от приходских церквей. Также он просил о выдаче 8 тысяч рублей. Эти деньги Нестор планировал потратить на возведение церкви. Последнюю он собирался назвать в честь равноапостольной Марии Магдалины. Несмотря на поданное ходатайство, Синод одобрил его лишь частично. В частности, руководящий орган дозволил перенести приходы из Пенжино в Наяхан и из Паратунка в Иоасафовское.

Неоценимую поддержку камчатскому братству оказывал генерал-губернатор Приамурской области, основавший Благотворительное Камчатское братство и являющийся его членом – Н.Л. Гондатти, получивший серьезное признание со стороны научного сообщества на поприще этнографического исследования туземных западносибирских и северо-восточносибирских племен. Он был убежден, что среди первоосновных целей работы на Камчатском полуострове помимо борьбы с безграмотностью местных жителей, суевериями, языческими верованиями и оказываемыми ими на население воздействием, первостепенной важностью для

благополучия Российской империи и государства в целом обладала борьба с японским и американским культурным и политическим влиянием. По мнению Н.Л. Гондатти, эти враждебные иностранные силы на протяжении десятилетий бесконтрольно хозяйничали на полуострове и за прошедшее время обрели привычку полагать себя главными – истинными хозяевами данной земли. Он не сомневался, что миссия вкупе с монастырем вполне способны и даже обязаны послужить государственным и национальным интересам на отдаленной территории⁴. Таким образом, дела духовные по образованию и приобщению к православной вере тесно переплелись с вопросами государственной важности.

14 января 1914 года в селе Кичиги иеромонах Нестор освятил церковь во имя преподобного Нестора Летописца и священномученика Евсевия. Богослужебные литургии произносились на двух языках – славянском и корякском наречии. Переводил тексты богослужений на корякский лично иеромонах Нестор. С 18 по 24 февраля 1914 года в селе Иоасафовское прошел Первый Камчатский съезд миссионеров-проповедников. Только что приступив к выполнению собственных профессиональных обязанностей, занимавший пост председателя иеромонах Нестор сообщил людям, принявшим участие в съезде, о том, что вся царская семья полностью поддержала проект формирования на Камчатском полуострове специальной Духовной миссии. Также участниками указанного съезда стали местные туземцы – представители корякского населения. Присланные делегаты, специально приехавшие поучаствовать в съезде, с подачи иеромонаха Нестора вынесли на рассмотрение возможность объявления участников-аборигенов, прибывших на сборище, также членами съезда, наделив их естественным правом обсуждать различные проблемы и голосовать по отобранным решениям. Тот факт, что всех коряков, приехавших поучаствовать в собрании в населенный пункт Иоасафовское, признали полноправными участниками, можно назвать ключевым и самым запоминающимся событием данного мероприятия. По результатам этого решения их наделили совещательным голосом. Особый интерес представляет тот факт, что решающим голосом наделили тойонов, старост этнических поселений и старшин юрт (то есть семей) кочевников. Закономерным образом коряки, ведшие кочевнический

4 РГИА. Ф. 753. Оп. 1. Д. 12. Л. 31 об. (Российский государственный исторический архив. Фонд 753. Петроградский отдел Камчатского православного братства)

образ жизни или перешедшие на оседлость, обрели самое высокое доверие, вылившееся в возможность принимать решения по самым значимым и ключевым вопросам, связанным духовностью и этническими аспектами, а также дипломатическими процессами, сопряженными с отношениями и взаимодействием между местными аборигенами и русскими.

Было две основных цели съезда – составить программу деятельности Камчатской Духовной миссии и скоординировать работу всех миссионерских проповедников. При этом самим проповедникам предписывалось проводить богослужбные литургии и беседовать с местными жителями, в особенности кочевниками-оленьеводами, на их собственном наречии. В ходе съезда его участники напряженно трудились над тем, чтобы перевести ключевые православные молитвы на корякский. Особыми заслугами на данном поприще отличились камчатские аборигены – священнослужитель, псаломщики и преподаватели по фамилии Лонгиновы. Для проведения съезда была выделена недавно построенная школа, в которой обучение проходили 30 учеников, в том числе 20 коряков. Присутствующей на собрании делегации зачитали телеграммы, присланные императором Николаем II и адресованные им архиепископу Владивостокскому и Камчатскому Евсевию, и гласящие, что его императорское величество желает успешного достижения целей миссии и иеромонаху Нестору. Иеромонах Нестор подчеркивал, что необходимо налаживать непрерывное общение, плотный контакт и взаимодействие между обращенными в христианство и священнослужителями. Достичь данной цели, по его замыслу, помогла бы постройка храмов и учебных заведений, учреждение станков для миссионеров и организация передвижных миссий. Он упоминал, что был лично знаком с ситуациями, когда русские зачастую отрицательно влияли на туземцев – коренных жителей, с которыми общались. Объяснялось это тем, что первыми двигало не христианское чувство, а стремление получить быструю прибыль, желание нажиться на коряках или тунгусах.

Близкое непосредственное соседство с туземцами, исповедующими язычество, и жизнь бок о бок с ними сделали для пришлых русских естественным быстрое перенимание и заимствование чужой туземной культуры, в частности предметов одежды и этнической кухни. Отец Нестор письменно поведал о том, как сильно и разительно преобразилось положение вещей в Иоасафовском селе. Как только здесь была построена церковь и возведена школа, местные жители перестали ритуально сжигать

усопших покойников на погребальных кострах. Также более редким стало совершение жертвенных закланий животных и обращение к колдунам. Местное население перестало прибегать к колдовским заговорам и в значительной степени отказалось от многоженства, вместо которого популярность обрел христианский брак. В целом деятельность Духовной миссии под руководством иеромонаха Нестора помогла местным туземным жителям полуострова полноценно войти в состав Российской Империи и влиться в ее жизнь, и кроме того, сформировать духовно-организационные условия для создания на данной территории Камчатской и Петропавловской епархии. Время революции 1917 года и Гражданской войны прервали деятельность Камчатской Духовной миссии. Это коснулось не только вероучительной работы миссии, но и вопросов этнокультурного плана: образования, здравоохранения, социальной работы.

Миссионерство Российской православной церкви на Дальнем Востоке – это и Камчатка, и Сахалин, и дальневосточный край в целом. Исторически сложилось так, что генетически эта проповедническая и социальная деятельность была связана с миссионерством в Сибири. Объект этой деятельности – десятки этносов сибирского и дальневосточного регионов России, а цель – не только приобщение к православной вере, но и развитие этнических культур (язык, письменность, литературное творчество и многое-многое другое). В качестве примера развития этнокультур Дальнего Востока мы можем взять жизнь и культуру (материальную и духовную) такой малой дальневосточной народности как негидальцы (17, с. 7-18).

Культурными традициями негидальцев издавна крайне интересовались многие исследователи. Невзирая на тот факт, что эта этническая группа является относительно малочисленной, ей удалось не утратить вплоть до современности такие элементы как собственный язык, уникальное самосознание и отличительные черты этнокультурного характера. Как продемонстрировали итоги общероссийской переписи населения, проведенной в 2002 году, суммарно негидальцев насчитывалось всего 806 человек. При этом 505 человек из указанного количества проживали по большей части на территории Хабаровского края⁵. Местами их основного

5 Коренные малочисленные народы севера Хабаровского края: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: стат. сборник / Геррпторпа.1. орган Федерал. службы гос. статистики по Хабар. краю. – Хабаровск, 2006. – с. 5.

базирования были побережья реки Амур (в Ульчском и Николаевском районах), ряд поселений – Кальма, Белоглинка, Тыр, Тахта, Маго, и в последнюю очередь – бассейн реки Амгунь. Данная этническая группа компактно проживает сегодня в селе Владимировка⁶. Указанный населенный пункт находится в прибрежной зоне Митрофаньевского озера, всего в 12 километрах от районного центра, роль которого принадлежит селу им. П. Осипенко.

Основных самоназваний у негидальцев существует всего два – «елканбэйенин» и «на бэйенин», что в переводе на русский означает здешнего жителя, местного. Также стоит отметить характерность такого названия как «Амгунбэйенин», что означает человека, живущего на реке Амгуни. Именно ее речные побережья и притоки на протяжении многих веков облюбовывали негидальцы. Тут они селились и здесь же, с высокой вероятностью, произошло формирование данного этноса, его выделение в народ, представляющий собой независимую тунгусо-маньчжуроязычную ветвь (30).

У представителей русского народа в прошлом существовало для них и тунгусов единое название – орочны, также нередко происходило смешение с нивхами, когда их звали гиляками. Этноним «негидальцы» является производным от эвенкийского «нге» (что переводится как низ или край) и «гида» (переводится как сторона). Таким образом, буквальное значение данного слова – «живущие в нижней стороне». Ученые и исследователи стали употреблять данный этноним, начиная с середины XIX века, с подачи А.Ф. Миддендорфа (20, с. 571–618). Негидальцы разговаривают на негидальском языке, относящемся к северной ветви тунгусо-маньчжурской языковой группы. Ученые выделяют 2 диалекта: верховский и низовский (туземцы, проживающие в верховье и низовье реки Амгуни). Множество моментов роднят верховский диалект с эвенским языком, при этом низовский похож на наречия ульчей, орочей и нанайцев. Среди негидальцев достаточно распространено свободное владение языками эвенков и нивхов.

Поначалу путешественники и ученые-этнографы оказались неспособны конкретно и точно ответить, как именно и от кого произошел негидальский народ и его этническая культура из-за малочисленности данного этноса. Он был

6 Прежнее название села Владимировка – «Гариа», в пер. с эвенкийского «Луч солнца».

представлен по большей части кочевниками, а его поселения являлись крайне распределенными и разрозненно существовали на значительных расстояниях друг от друга. В русской литературе – исторических документах – первое упоминание коренных жителей реки Амгуни появляется в 80-е гг. XVII века. Представители казачества в то время рассказывали, что им удалось повстречать только родовые семьи тунгусов – пеших или с оленями, проживавшие в низинах реки Амгуни. Называли их в то время гиляки, также в ходу было слово «нивхи». Термин «негидальцы» в посланиях и письменных источниках той эпохи не встречается, тем не менее, несмотря на это родовой состав тунгусской народности, проживавшей на реке Амгуни в XVII веке, демонстрирует частичное пересечение и совпадение с составом наших современников – нынешних негидальцев (27). На протяжении многих десятилетий рассмотрению историко-культурных аспектов и особенностей негидальского народа посвящали собственные научные работы такие известнейшие ученые, как Я.И. Линденау, Р.К. Маак, И.И. Гапанович, Л.И. Шренк, А.И. Лопатин, Б.О. Пилсудский, С.В. Иванов, Л.Я. Штернберг, В.К. Арсеньев и другие⁷.

Этническая основа и исторические пути негидальцев всегда были неразрывно связаны с историей народностей, проживавших вблизи. Среди их ближайших соседей были помимо нивхов и ульчей также нанайцы и эвенки. Как и ранее вблизи Амура, проведение археологических раскопок на Амгуни позволило отыскать остатки неолитических культур – порожденной автохтонами (вознесеновской и малышевской) и пришлыми (сыаллахской и белькачинской) алдано-ленского круга. Большинство исследователей разделяют точку зрения, гласящую, что негидальцы по большей части расселялись на территории бассейна Амгуни, и именно там сформировалась эта народность. Как считает этнограф Л.Ф. Смирнов, прародители негидальцев на момент их расселения по территории вокруг реки Амгуни уже обладали законченным и стабильным родовым строем. Они не утратили родственных связей с эвенским (тунгусским) народом, при этом охотно контактировали с другими туземцами, и на рубеже XII–XIII веков уже окончательно завершилось их формирование как этноса⁸.

7 В издании «Негидальцы» представлены краткие биографические справки и основные направления научной деятельности ученых, в основном, этнографов и лингвистов, в разное время занимавшихся вопросами исследования языка и культуры негидальцев.

8 Смирнов Л.Ф. Негидальцы? Да! / Л.Ф. Смирнов // Амгунская правда. – 1989. 12 янв.

Характерной чертой общественного строя, существовавшего у негидальцев, являлось то, что в нем роды сосуществовали с территориально-соседскими общинами. Исследователями установлено, что все негидальское население на Амгуни в XVII веке делилось на девять родов: муктегирский, аюмканский, альчакульский, торомконский, чукчагирский, ньясекагирский, удданский, чемакогирский и тапкальский. Для родов была характерна малочисленность (на конец 1920-х годов Нсяихагил насчитывал 110 человек, тогда как Аюмкан – 88 человек, а Чукчагил – всего лишь 48 человек). Задачей рода являлось регулирование брачных отношений между полами (характерно было строгое соблюдение экзогамии), также его предназначением выступало объединение входящих в него членов, помогающее им совместно совершать различные обряды чисто религиозного характера или семейной направленности. Поскольку по отдельности роды являлись слишком малочисленными и оттого плохо защищенными, они естественным образом стремились к объединению в «союзы», то есть «доха», причем в основном маленькие роды старались слиться с теми, что были крупнее. Объединение происходило и с иноплеменниками. Как уже отмечалось, внутри каждого рода существовали экзогамные отношения, однако дозволялось вступать в брак с вдовицами. Достаточной распространенной практикой являлись смешанные браки с представителями других этносов – эвенками, нивхами, нанайцами и ульчами. Деревенская община не обладала жестко очерченной местностью проживания, точно так же, как и род. Ключевым законом внутри общины, обязательным к исполнению, являлся принцип взаимопомощи – оказывать помощь односельчане обязаны были любым людям, испытывающим нужду. Кроме того, именно община устанавливала то, что являлось общественным мнением, и оно неуклонно влияло на повседневную жизнь и социальное поведение всех ее членов как в обществе, так и внутри собственной семьи. Семья выступала в роли независимой отдельной экономической ячейки, поскольку занималась ведением собственного семейного хозяйства (22). Самоуправление составляло организационную структуру жизни общины, что роднило дальневосточную общественную жизнь с элементами сельского самоуправления на севере России (6).

Прародители негидальцев осваивали территорию вблизи Амгуни, пока переходили от кочевого образа жизни к оседлому, и поэтапно заселяли речные долины и озерные побережья. Основой хозяйства негидальцев

были рыболовство и охота, причем рыболовство всегда являлось основным занятием аборигенов, чьим местом проживания выступали низовья Амгуни и территория вокруг Амура. Рыбу ловили самым разным инструментом, включая заездки (при охоте на лососевых рыб), маленькие неводы, самостоятельно сплетенные сети и крючки. На семейном уровне было принято заготавливать рыбу впрок. С этой целью запасали огромные количества высушенного лосося – юколы. Также широкое применение находила рыба кожа, из которой изготавливали не только предметы одежды, но и обувь. У негидальцев, постоянно проживавших в Амурском лимане и на берегу Охотского моря, стало крайне распространенным такое занятие как морской зверобойный промысел. При этом верховские негидальцы, которые ловили рыбу и охотились, также помимо этого занимались оленеводством, по большей части для решения транспортных задач.

В начале XX века, поскольку в это время активно осваивался Дальний Восток и наблюдалось широкое и глубокое взаимодействие этнокультурного характера, люди, переселившиеся сюда с запада России, взаимно влияли на туземцев. По этой причине негидальцы обучились новым и доселе неизвестным типам деятельности – начали огородничать и возить в собачьих упряжках. Местный образ жизни, целиком и полностью predetermined и зависящий от системы хозяйствования, локального климата и особенностей географии, напрямую повлиял на специфику строящихся поселений, методики строительства и употребляемые материалы, конструкцию и форму привычного жилища бродячих охотников и рыболовов. Все рода обладали собственной отдельной от остальной охотничьей территории и рыболовными угодьями, которые всегда располагались в непосредственной близости от родового стойбища. Отдельные негидальские семьи селились поблизости от них.

В среде негидальцев широкое употребление получили 4 разновидности жилых каркасных строений: конические, двухскатные, в виде рассеченного цилиндра и прямоугольные с двухскатной кровлей. Холодное время года в низовьях Амгуни они предпочитали перезимовать в каркасном однокомнатном четырехугольном доме под названием «хагду». Для отопления внутренних помещений использовалось от двух до трех очагов, а дымоходы от них тянулись под широкими глинобитными парами, служащими в качестве лежбища для семьи по ночам. В верховьях Амгуни зимние холодные месяцы проводили в двухскатных жилищах либо постройках пирамидальной формы

из плах, присыпанных грунтом, а также в неглубоких полуземлянках либо чумах, построенных по тунгусским традициям. Для отопления внутренних жилых помещений использовался костер, правда, под конец XIX в. в обиход плотно вошли стальные печи. Когда наступало первое тепло в весенние месяцы, семьи переезжали в специальные летние поселки, расположенные на озерных берегах и побережьях небольших речушек. Для проживания использовались «дюкча» – так назывались особые каркасные строения, возводящиеся из жердей и покрываемые корой березы либо лиственницы, а также порой простым сеном. На уровне потолочной поверхности создавали специальный помост в виде решетки, на котором затем коптили рыбы. Временное охотничье жилище строили из гнутого тальника, оно было выполнено в виде рассеченного цилиндра и имело сверху покрытие из древесной коры (23, с. 244–246). С хозяйственной и бытовой точки зрения у негидальцев, как и остальных туземных малочисленных этносов, живущих в районе Приамурья, относительно жестко разграничивались обязанности между полами, что в результате отразилось на искусстве, которое разделилось на два типа – мужское и женское.

Межкультурное взаимодействие русских и этносов Дальнего Востока имело самые различные аспекты. В первую очередь – это духовное взаимодействие. Однако не менее важным стало сохранение этнических особенностей в области материальной культуры. Народности Дальнего Востока, хотя и были малочисленными, нашли ресурсы для создания своей независимой и не похожей на другие художественной культуры, ключевым элементом которой можно назвать народное декоративное искусство. Доказательством этнической устойчивости и стабильности негидальцев является невероятная сохранность их традиций в течение многих столетий, учитывая современность. Но и здесь не обошлось без потерь: мужская ветвь искусства, сводившаяся к изготовлению разнообразных изделий из древесины разных пород, костей животных, оленьих рогов и железа, а также атрибуты шаманов (бубны, колотушки, защитные амулеты и прочее), сошла на нет к началу XX века. В музеях осталось лишь немного экспонатов, но их недостаточно, чтобы полноценно судить о данной ветви искусства негидальцев (15, с. 15–39).

Задача производить одежду и обувь целиком и полностью возлагалась на плечи женской и девичьей части общества. Подбирая оптимальный материал

при создании предметов одежды, они руководствовались имеющимся опытом, полученными знаниями и сделанными наблюдениями, а также советами старших. Во внимание обязательно принимались характеристики и особенности каждого материала – насколько он прочный, термостойкий и водонепроницаемый. Женская ветвь искусства у негидальцев, как и всех туземных малочисленных народностей, сводилась к тому, чтобы выделывать звериную кожу и шкуру, а также кожу рыб, и заготавливать нитки, сделанные из лосиных и оленьих сухожилий. При шитье одежды и создании обуви использовалась кожа рыб и оленей, а также шкурки нерп и собак. Кроме того, народное искусство включало изготовление небольших ковров-комаланов из мехов, берестяной посуды и иных полезных и обязательных предметов обихода. Подавляющее большинство изделий оснащались орнаментом.

Региональное декоративно-прикладное искусство стали открывать и признавать в качестве обязательного объекта исследования древностей и духовной культуры данной территории только во второй половине XIX века. Именно в это время отечественные и иностранные ученые и этнографы, занятые изучение туземной жизни племен, проживающих в прибрежной зоне Амура, выяснили, что бытовые предметы повседневного обихода, изготавливаемые нанайцами, нивхами, ульчами, удэгейцами и иными приамурскими этносами, обладают огромной эстетической ценностью (18, с. 59–62). Роль первооткрывателя негидальцев, проживающих в приамурской зоне, всесторонне исследовавшего и детально описавшего их культурную самобытность, справедливо приписывают А.Ф. Миддендорфу. Когда ему вместе с сопровождавшим его отрядом удалось достичь побережья маленькой речушки Немилен (это расположенный в тайге приток Амгунь), состоялось его первое знакомство с негидальцами. Прибывшего из Европы исследователя настигло восхищение – его в крайней степени поразили увиденные им великолепнейшие произведения туземного труда. Он даже сделал в походном дневнике соответствующую записку, гласящую, что женщины, создавшие данные предметы, должны быть настоящими искусницами. И он несколько не преувеличивал их красоту: сделанные негидальцами халаты, головные уборы, обувь, ножны, кошельки, сумки, небольшие ковры, изготовленные из птичьих перьев – все было прекрасно и отличалось уникальностью. Исследователь писал, что его особенно поразило своей спецификой, отчетливостью и красотой искусно выполненное

шитье на паре кошельков, предназначение которых состояло в том, чтобы хранить внутри огниво и трут. Для вышивки фигурок использовались блестящие белые нити, умело добываемые намоткой из оленьей и лосиной внутренней кожи главной артерии. Окаймление при этом было сделано из нежнейших и красивейших птичьих перьев (14, с. 125–126).

Мимо внимательного взгляда ученого не прошли предметы одежды и обихода туземного населения. Сюда можно отнести оригинально декорированные халаты из рыбьей кожи и меховые головные уборы. Также туземцы носили обувь, сшитую из ровдуги и камусов. Обстановку в местных жилищах украшали коврики, изготовленные из птичьих перьев. Этническое облачение включало нагрудники, рукавицы, футляры для ножен и кисеты. Частью обихода были и искусно сделанные берестяные коробочки (16, с. 141–142). Миддендорфом была подмечена особая техника и художественные приемы, используемые женщинами при создании берестяных предметов. Воспользовавшись маленьким ножом, поперечным образом, зафиксированным в черенке, мастерица ловко вырезала красивые берестяные фигурки (15, с. 15-17).

Орнаментальные узоры представляют своего рода «визитную карточку» конкретного этноса. Достаточно первый раз самостоятельно взглянуть на орнаменты, используемые приамурскими этносами, чтобы поразиться их невероятной недостижимой красоте, законченности, и вместе с тем причудливости, наличию в рисунке нестандартной и трудно постижимой логике. Орнаментальный язык во многом отличается от привычного нам словесного, его невозможно перевести в слова, поскольку его восприятие происходит на чувственном, духовном уровне. Однако орнаментальные узоры народов Приамурья отличает необычайная живость и развитие как у живущего организма. Также для них характерно наличие спиралевидных и ленточных мотивов, в которых максимально полно отражается их внутренняя сущность и смысловое наполнение (13, с. 104–108).

Негидальские женщины и по сей день не утратили собственное мастерство. Они до сих пор умеют создавать декоративный орнамент разными способами. В частности, они вышивают цветными нитками, бисером, изготавливают аппликации на тканевой, кожаной (из рыбы) и берестяной подложке, и, зачастую, использования заранее заготовленных трафаретов среди них – большая редкость. Замысел для орнаментального

узора появляется прямо в ходе вышивания, при этом спиралевидные линии поворачиваются, как кажется на первый взгляд, случайным образом, однако здесь кроется строгая закономерность. Приамурские туземные этносы при создании орнаментальных узоров руководствовались теми законами, в соответствии с которыми живет окружающий их природный мир и все живое на планете (13, с. 108). В орнаментальных узорах негидальцев роль ключевого декоративного элемента издавна играл трилистник, также известный в науке как вахта трехлистная или трифоль. Данная трава является многолетником и способна вырастать до 30–40 см. Она нашла широкое применение в народной медицине. Места произрастания – озерные и речные побережья, стоячая вода, покрытые мхом болота и заболоченные луга (28, с. 214–215).

Обычаи создания орнаментальных узоров, появившиеся многие столетия назад, не были утрачены, и существуют и по сей день. На сегодняшний день орнаментальными узорами декорируется обувь, предметы одежды и домашнего обихода. В селе Владимировка района им. П. Осипенко, появившегося в 1945 году на месте бывшего кочевого стойбища Гарпа в результате слияния трех колхозов – «Гарпа», «Новая жизнь» и «Красный чукчагирец»⁹, - проживают в тесном единстве с другими этносами 103 негидальца¹⁰. Продолжают хранить обычаи народного искусства, языковые и фольклорные знания несколько сельских жителей. Все они искусные мастерицы и имеют членство в союзе художников РФ. В их число входят А.П. Надеина, М.К. Охлопкова и А.Н. Казарова. Они щедро делятся своим опытом и знаниями с молодым поколением.

Поскольку молодое поколение среди коренного населения показало свою крайнюю заинтересованность в традициях, унаследованных от прародителей, было решено создать специальный Центр национальной негидальской культуры. Его учреждение позволило частично разрешить трудности, с которыми сталкивались те, кто желал сохранить эту уникальную культуру. Осенью 2005 г. во Владимировке был открыт Центр национальной культуры коренных народов Севера, получивший название

9 Из истории наших сел. Что способствовало слиянию колхозов? / Амгунская правда. - 1996. - 18 мая.

10 Данные по численности и национальному составу с. Владимировки на начало 2009 г., согласно похозяйственным книгам, хранящимся в сельской администрации.

«Возрождение». В его появлении приняли непосредственное участие не только местные сельские жители, но и сотрудники культурных учреждений, и благотворители. Не последнюю роль сыграло упорство директора Дома культуры А.А. Большаковой, по чьей инициативе было решено подать заявку на соответствующий грант.

Выводы

В статье рассматривается значение деятельности Камчатской Духовной миссии в культурном синтезе российских народов. На основе соединения результатов исторических исследований делается вывод о культурной и жизнеорганизующей роли православных миссионеров на Камчатке.

Миссионерство Русской православной церкви на Дальнем Востоке – это и Камчатка, и Сахалин, и дальневосточный край в целом. Исторически сложилось так, что генетически эта проповедническая и социальная деятельность была связана с миссионерством в Сибири. Объект этой деятельности – десятки этносов сибирского и дальневосточного регионов России, а цель – не только приобщение к православной вере, но и развитие этнических культур (язык, письменность, литературное творчество и многое-многое другое). На примере негидальцев показано развитие уникальной культуры этноса.

Анализ собранных материалов убедительно доказывает, что деятельность Духовной миссии под руководством иеромонаха Нестора помогла местным туземным жителям полуострова полноценно войти в состав Российской Империи и влиться в ее жизнь.

Сегодня официальным руководителем Петропавловской и Камчатской епархии является епископ Артемий (в миру – Снигур). Образован Миссионерский отдел, который находится под руководством иеромонаха Феодора (в миру – Малаханова). Петропавловский мужской монастырь, названный в честь великомученика Пантелеимона, приобрел звание миссионерского, поскольку 9 из его членов выступают в роли миссионеров-проповедников. Сразу несколько округов – Пенжинский, Тигильский, Олюторский, Алеутский и Карагинский – являются местом деятельности 3-х групп проповедников. Сотрудники миссии совершают поездки в большие населенные пункты северных округов однократно каждые 2–3 месяца. Также

организуются постоянные миссионерские станы в поселке Палана, поселке Оссора, селе Тилички, на Командорских островах, где возводятся не только церкви и часовни, но и жилища, предназначенные для расселения местных мирян. Патриарх Кирилл распорядился, чтобы каждый год на Камчатский полуостров совершали полугодовые поездки прикомандированные студенческие коллективы, пополняемые за счет учащихся миссионерской кафедры Белгородской Духовной семинарии.

В качестве итоговых выводов укажем на следующее: во-первых, деятельность Духовных миссий РПЦ на Дальнем Востоке носила как вероучительный характер по распространению православия среди коренных народов, так и характер социально-культурный (учреждение образовательных школ и училищ; решение вопросов медицинского характера; помощь местному населению в переходе к оседлому образу жизни и так далее) В силу политических оснований эта культурная деятельность приобрела особое значение для упрочнения Дальневосточных границ Российского государства как в прошлом, так и в политических реалиях дня современного.

Во-вторых, этнические культуры народов Дальневосточного региона были насыщены в духовном плане религиозными моментами (шаманство), но и предрасположены к бытовому и прикладному искусству (например, этническая культура негидальцев) как одного из малых народов Приамурья. Межкультурное взаимодействие русских с представителями малых народов Дальневосточного региона представляет собой яркий пример цивилизационного сосуществования различных этносов.

В-третьих, по результатам современной религиозной практики можно судить, что ее потенциал в решении культурных и государствообразующих задач не исчерпан. Исторический опыт Камчатской Духовной миссии может быть проанализирован и актуализирован с целью выявления эффективных механизмов формирования добрососедских отношений.

Список источников

1. Барсуков И.П. (1997), Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников [Innocent, Metropolitan of Moscow and Kolomna

- according to his writings, letters and stories of his contemporaries]. Репр. воспроизведение, с изд.: М., 1883. М.: Фирма Алеся. 840 с.
2. Белашов А.И., Косик О.В. (2017), Камчатская Духовная Миссия [Kamchatka Spiritual Mission]. Православная энциклопедия: официальный сайт. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1470157.html> (дата обращения 24.01.2024).
 3. Ван Ш. (2023), Дальний Восток – важная площадка для китайско-российского сотрудничества [The Far East is an important platform for Chinese-Russian cooperation]. Культура и наука Дальнего Востока. № 1(34). С. 130-132.
 4. Громов П.В. (2000), Историко-статистическое описание камчатских церквей: Слова и речи [Historical and statistical description of Kamchatka churches : Words and speeches] Петропавловск-Камчатский : Скрижали Камчатки. 261 с.
 5. Демьяненко А.Н. (2023), Опыт междисциплинарного исследования трансграничного региона: Дальний Восток России – Северо-Восточный Китай [The experience of cross-border region interdisciplinary research : The Russian Far East - Northeast China]. Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1(64). С. 80-94. DOI 10.24866/1998-6785/2023-1/80-94.
 6. Духовный мир человека в русской культурологии [The Spiritual world of man in Russian Cultural Studies] (2009), А.Г. Давыденкова, М.А. Арефьев, Т.И. Козлова [и др.] ; Институт правоведения и предпринимательства, Кафедра гуманитарных и социальных дисциплин. Санкт-Петербург : Институт правоведения и предпринимательства. 284 с.
 7. Зыкин А.В. (2023), К вопросу о культуротворческой роли Русской православной церкви (на примере деятельности Алтайской Духовной миссии) [About cultural role of the Russian Orthodox Church (on the example of the Altai Spiritual Mission)]. Философская мысль. № 2. С. 50-63. DOI 10.25136/2409-8728.2023.2.39771.
 8. Зыкин А.В. (2023), Северный буддизм в культуре Восточно-Сибирского региона России (к истории Иркутской Духовной Миссии РПЦ) [Northern Buddhism in the Culture of the East Siberian Region of Russia (on the History of the Irkutsk Spiritual Mission of the Russian

- Orthodox Church)]. *Философия и культура*. № 5. С. 134-145. DOI 10.7256/2454-0757.2023.5.40858.
9. Зыкин А.В., Арефьев М.А., Давыденкова А.Г. (2024), Православное старообрядчество в синтезе культур Забайкальского региона (к истории Духовных миссий Забайкалья) [Orthodox Old Believers in the Synthesis of cultures of the Trans-Baikal region (on the History of the Spiritual Missions of Transbaikalia)]. *Философская мысль* (принято в печать).
 10. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки (1997), [Selected Works of St. Innocent, Metropolitan of Moscow, Apostle of Siberia and America]. Сост. и вступ. ст., с. 5-21, протоиерея Б. Пивоварова; Православ. гимназия во имя преподоб. Сергия Радонежского, Новосибирск. Юбилейн. изд., посвящ. 200-летию со дня рождения святителя Иннокентия. Москва: Изд-во Моск. Патриархии; Новосибирск: Изд-во Православ. гимназии во имя преподоб. Сергия Радонежского. 367 с.
 11. Иохельсон В.И. (1997), Коряки: Материальная культура и социальная организация : перевод с английского [Koryaks: Material Culture and Social organization : translated from English]. В.И. Иохельсон; отв. ред. Ч.М. Таксами; Российская акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: Наука: Санкт-Петербургская изд. фирма. 237 с.
 12. Историческая динамика социальных рисков и угроз на дальневосточной периферии России в 1991-2020 гг. (2023), [Historical dynamics of social risks and threats in the Far Eastern periphery of Russia in 1991-2020.] А.С. Ващук, Е.С. Волкова, Е.Н. Чернолуцкая [и др.]. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. 452 с.
 13. Киле Э.К. (2004), Математическая логика Амурского орнамента [Mathematical logic of the Amur ornament]. Записки Городековского музея. Вып. 8. Хабаровск: Госуд. музей Дальнего Востока им. Н.И. Городекова. С. 104-108.
 14. Кочешков Н.В. (1994), Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX-XX вв. (Проблемы этнических традиций)

- [Decorative art of the Lower Amur and Sakhalin peoples in the XIX-XX centuries. (Problems of ethnic traditions)]. СПб: Наука. С. 125-126.
15. Кочешков Н.В. (1994), Декоративное искусство негидальцев [Decorative art of the Negidals]. Россия и АТР. №1. С.15-39.
 16. Кочешков Н.В. (2003), Российские исследователи аборигенных народов Дальнего Востока (XVIII-XX вв.) [Russian researchers of the Far East aboriginal peoples (XVIII-XX centuries)] Владивосток. С. 141-142.
 17. Лебедева В.В. (2011), Негидальцы. Материалы к изучению культуры этноса XIX – начала XXI вв. [Negidals. Materials for the culture ethnic group study in the XIX – early XXI centuries]. Владивосток : Дальнаука. 160 с. (с.7-18).
 18. Лементович Т.В. (1988), К вопросу изучения истории народного искусства Хабаровского края [On the issue of studying the history of folk art of the Khabarovsk Territory]. Проблемы изучения и собирания предметов народного искусства в музеях Дальнего Востока: IV Зональная научно-практическая конференция. Тезисы докладов. Хабаровск. С. 59-62.
 19. Маргаритов В.П. (1899), Камчатка и ее обитатели. [Kamchatka and its inhabitants]. Хабаровск. 143 с.
 20. Миддендорф А.Ф. (1878), Путешествие на Север и Восток Сибири. [Travel to the North and East of Siberia]. Ч. 2. Отд. 6. СПб. С. 571-618.
 21. Мизь Н.Г., Буяков А.М. (1999), Вековой юбилей: К 100-летию епархии [Centennial anniversary : The 100th anniversary of the diocese]. Владивосток: Владивосток. и Примор. епархия, О-во изучения Амур. края. 48 с.
 22. Народы России: Энциклопедия (1994), [The Peoples of Russia: Encyclopedia]. Рос. АН Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.
 23. Негидальцы (1994), [Negidals]. Народы России. Энциклопедия. М.: «БРЭ». С. 244-246.
 24. Петрунина Ж.В. (2023), Интеграция Северо-Востока Китая и Дальнего Востока России в начале XXI века: два подхода к одному вопросу [Integration of the Northeast of China and the Russian Far East

- at the beginning of the XXI century]. Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. № 2(66). С. 73-76. DOI 10.17084/20764359-2023-66-73.
25. Петрунина Ж.В. (2023), К проблеме установления взаимодействия народов в период освоения Россией Приамурья (по материалам региональной печати 1860-х гг.) [On the problem of establishing the interaction of peoples during the period of Russia's development of the Amur Region (based on the materials of the regional press of the 1860s)]. Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. № 13. С. 356-359. DOI 10.48344/27823768_2023_13_356.
 26. Пятин В.В. (2023), Государственная культурная политика России – Основа сохранения единого культурного пространства [The State cultural policy of Russia is the basis for the preservation of a single cultural space]. Исследовательский потенциал – 2023 : Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса, Петрозаводск, 17 апреля 2023 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). С. 223-229.
 27. Суляндзига Р.В. (2003), Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Overview of the current situation] М.
 28. Тагильцев Ю.Г. (2004), Дальневосточные растения – наш доктор [Far Eastern plants – our doctor]. Хабаровск. С. 214 -215.
 29. Хаховская Л.Н. (2004), Охотские церкви в XIX – начале XX в.: (Гижигинская, Тауйская, Ямская и Ольская) [Okhotsk churches in the XIX – early XX centuries: (Gizhiginskaya, Tauyskaya, Yamskaya and Olskaya)]. Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан. 309 с.
 30. Цинциус В.И. (1982), Негидальский язык. Исследования и материалы [The Negidals language. Research and materials]. Л.: Наука. 311 с.

References

1. Barsukov, I.P. (1997), Innocent, Metropolitan of Moscow and Kolomna according to his writings, letters and stories of his contemporaries. Repr. from Ed.: Moscow, 1883. Moscow: Firma Alesya. 840 p. (In Russian)
2. Belashov, A.I., Kosik, O.V. (2017), Kamchatka Spiritual Mission. Orthodox Encyclopedia: official site. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1470157.html> (Accessed 24.01.2024). (In Russian)
3. Van, Sh. (2023), The Far East is an important platform for Chinese-Russian cooperation. Culture and Science of Far East. No. 1(34). pp. 130-132. (In Russian)
4. Gromov, P.V. (2000), Historical and statistical description of Kamchatka churches : Words and speeches. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Skrizhali Kamchatki. 261 p. (In Russian)
5. Demyanenko, A.N. (2023), The experience of cross-border region interdisciplinary research : The Russian Far East - Northeast China. Oikumena. Regional researches. No. 1(64). pp. 80-94. DOI 10.24866/1998-6785/2023-1/80-94. (In Russian)
6. The Spiritual world of man in Russian Cultural Studies (2009), A.G. Davydenkova, M.A. Arefyev, T.I. Kozlova [et al.] ; Institute of Law and Entrepreneurship, Department of Humanitarian and Social Disciplines. Saint Petersburg : Institute of Law and Entrepreneurship. 284 p. (In Russian)
7. Zykin, A.V. (2023), About cultural role of the Russian Orthodox Church (on the example of the Altai Spiritual Mission). Philosophical Thought. No. 2. pp. 50-63. DOI 10.25136/2409-8728.2023.2.39771. (In Russian)
8. Zykin, A.V. (2023), Northern Buddhism in the Culture of the East Siberian Region of Russia (on the History of the Irkutsk Spiritual Mission of the Russian Orthodox Church). Philosophy and Culture. No. 5. pp. 134-145. DOI 10.7256/2454-0757.2023.5.40858. (In Russian)
9. Zykin, A.V., Arefyev, M.A., Davydenkova, A.G. (2024), Orthodox Old Believers in the Synthesis of cultures of the Trans-Baikal region (on the History of the Spiritual Missions of Transbaikalia). Philosophical Thought (accepted for publication) (In Russian).
10. Selected Works of St. Innocent, Metropolitan of Moscow, Apostle of Siberia and America (1997), Comp. and foreword., pp. 5-21, archpriest

- B. Pivovarov; Orthodox. gymnasium in the name of Rev. Sergius Radonezhsky, Novosibirsk. Jubilee. ed., dedicated to the 200th anniversary of the birth of St. Innocent. Moscow: Izd-vo Mosk. Patriarchiyi; Novosibirsk: Izd-vo Pravoslav. Gimnazii vo imya prepodob. Sergeya Radonezhskogo. 367 p. (In Russian)
11. Iokhelson, V.I. (1997), Koryaks: Material Culture and Social organization : translated from English. V.I. Iokhelson; resp. ed. Ch.M. Taksami; Russian academy of Science, Museum of anthropology and ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera). Saint Petersburg: Nauka: Sankt-Peterburgskaya izd. firma. 237 p. (In Russian)
 12. Historical dynamics of social risks and threats in the Far Eastern periphery of Russia in 1991-2020 (2023), A.S. Vaschuk, E.S. Volkova, E.N. Chernolutsкая [et al.]. Vladivostok: Institut istorii, archaeologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka. 452 p. (In Russian)
 13. Kile, E.K. (2004), Mathematical logic of the Amur ornament. Remarks of Gorodekovsky museum. Issue 8. Khabarovsk: Gosud. muzey Dalnego Vostok im. N.I. Gorodekova. pp. 104-108. (In Russian)
 14. Kocheshkov, N.V. (1994), Decorative art of the Lower Amur and Sakhalin peoples in the XIX-XX centuries. (Problems of ethnic traditions). Saint Petersburg: Nauka. pp. 125-126. (In Russian)
 15. Kocheshkov, N.V. (1994), Decorative art of the Negidals. Russia and APR. No. 1. pp.15-39. (In Russian)
 16. Kocheshkov, N.V. (2003), Russian researchers of the Far East aboriginal peoples (XVIII-XX centuries). Vladivostok. pp. 141-142. (In Russian)
 17. Lebedeva, V.V. (2011), Negidals. Materials for the culture ethnic group study in the XIX – early XXI centuries. Vladivostok: Dalnauka. 160 p. (pp. 7-18). (In Russian)
 18. Lementovich, T.V. (1988), On the issue of studying the history of folk art of the Khabarovsk Territory. Problems of studying and collecting folk art in museums of the Far East: IV Zonal scientific and practical conference. Abstracts of reports. Khabarovsk. pp. 59-62. (In Russian)
 19. Margaritov, V.P. (1899), Kamchatka and its inhabitants. Khabarovsk. 143 p. (In Russian)
 20. Middendorf, A.F. (1878), Travel to the North and East of Siberia. V. 2. P. 6. Saint Petersburg. pp. 571-618. (In Russian)

21. Miz, N.G., Buyakov, A.M. (1999), Centennial anniversary : The 100th anniversary of the diocese. Vladivostok: Vladivostok i Primor. Eparkhiya, O-vo izucheniya Amur. kraya. 48 p. (In Russian)
22. The Peoples of Russia: Encyclopedia (1994), Russian Academy of Science N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology; Chief ed. V.A. Tishkov. Moscow: In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya. (In Russian)
23. Negidals (1994), Peoples of Russia. Encyclopedia. Moscow: «BRE». pp. 244-246. (In Russian)
24. Petrunina, Z.V. (2023), Integration of the Northeast of China and the Russian Far East at the beginning of the XXI century. Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University. No. 2(66). pp. 73-76. DOI 10.17084/20764359-2023-66-73. (In Russian)
25. Petrunina, Z.V. (2023), On the problem of establishing the interaction of peoples during the period of Russia's development of the Amur Region (based on the materials of the regional press of the 1860s). Russia and China: history and perspectives of cooperation. No. 13. pp. 356-359. DOI 10.48344/27823768_2023_13_356. (In Russian)
26. Pyatin, V.V. (2023), The State cultural policy of Russia is the basis for the preservation of a single cultural space. Research potential – 2023: International research contest articles digest, Petrozavodsk, 17th of April 2023. Petrozavodsk: Mezhdunarodniy tsentr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.). pp. 223-229. (In Russian)
27. Sulyandziga, R.V. (2003), Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Overview of the current situation. Moscow. (In Russian)
28. Tagiltsev, Y.G. (2004), Far Eastern plants – our doctor. Khabarovsk. pp. 214 -215. (In Russian)
29. Khakhovskaya, L.N. (2004), Okhotsk churches in the XIX – early XX centuries: (Gizhiginskaya, Tauyskaya, Yamskaya and Olskaya). Materials on history of Far East North. Magadan. 309 p. (In Russian)
30. Tsintsius, V.I. (1982), The Negidals language. Research and materials. Leningrad: Nauka. 311 p.

Информация об авторах

АРЕФЬЕВ Михаил Анатольевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: ant-daga@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7397-7192>.

ЗЫКИН Алексей Владимирович, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий», Гатчина, Российская Федерация. E-mail: zykinalex@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>.

Вклад авторов

Все авторы сделали равный вклад в эту статью.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.02.2024. Одобрена после рецензирования: 22.02.2024. Принята к публикации: 28.02.2024. Опубликовано: 22.04.2024.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the authors

Mikhail A. AREFYEV, DSc (Philos.), Professor, Head of Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences, Federal State Budgetary

Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State Agrarian University”, Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: ant-daga@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7397-7192>.

Alexei V. ZYKIN, DSc (Cult.), Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Autonomous educational institution of higher education of the Leningrad oblast “State Institute of Economics, Finance, Law and Technology”, Gatchina, Russian Federation. E-mail: zykinalex@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8312-4559>.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: 14.02.2024. Approved after peer review: 22.02.2024. Accepted for publication: 28.02.2024. Published: 22.04.2024.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.